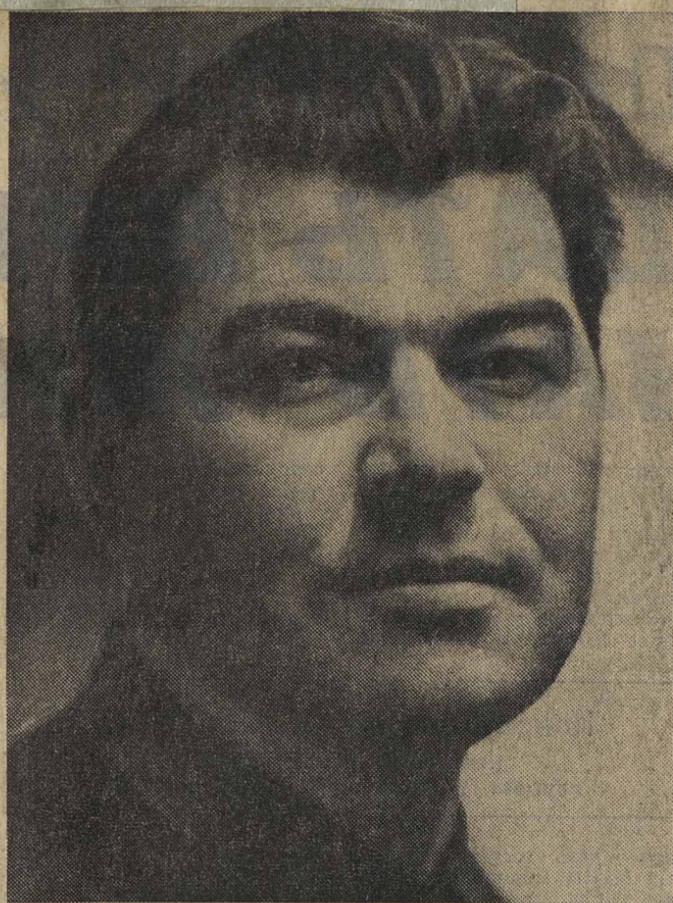

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

МОГУЧИЙ ГОЛОС

Эрнст САФОНОВ

1. Однажды вместе с поэтом Владимиром Намсараевым мы заехали на животноводческую ферму бурятского колхоза «Восточные Саяны», в селе Тагархай. Там, в тесной избушке, кто на лавке, кто на молочных бидонах или просто на корточках возле стены сидели люди и прикованно смотрели на светящийся эрачок радиоприемника. А оттуда исходил могучий голос Штоколова, он царил над всем и всеми, не помещаясь здесь, и когда мы, входя, открыли дверь, он, как прибойная волна в разбеге, двинулся к тайге, созвучный неопытности здешнего простора.

Народный артист СССР Борис Тимофеевич Штоколов с 1959 года солист Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Но и другие лучшие театры страны почитают за честь предоставить сцену Штоколову: при полных залах он пел в Москве, Киеве, Горьком, Новгороде и других городах. Его имя было на афишах Парижа, Лондона, Рима, Мадрида, Нью-Йорка... Впрочем, звание «народный» говорит само за себя.

Современник Глинки композитор А. Серов, рассуждая об идеале «истинного певца», считал его «величайшей редкостью», поскольку для этого нужны слитые воедино: «...дар хорошего (по крайней мере довольно красивого, довольно сильного и гибкого) голоса; талант к управлению голосом, умение технически им распоряжаться — умение, развитое обдуманностью и наукой, и, наконец, в третьих — высшее художественное понимание музыки, ее духа, средств и целей до самой их глубины...»

Придирчиво, сам для себя исследуя все эти качества «истинного певца», как бы «примеряя» их к Штоколову, я должен был согласиться: у него все это есть, и не только есть — выражено с предельной одухотворенностью. Причем эта одухотворенность почерпнута из житейского родника русской народной песни. По признанию самого Штоколова, она, народная песня, учила его, как нужно петь. Он и сам — выдам, возможно, тайну певца — порой пишет песенную музыку, не решаясь пока пустить ее «в люди». А не грех было бы послушать широкой аудитории есенинское «Отговорила роща золотая...», где Штоколов в отличие от имеющейся создал собственную мелодию для собственного же голоса.

Пишут о Штоколове довольно часто, пишут в основном правильно и хорошо. Но ни в одной статье о нем я не встретил даже упоминания о том, что можно назвать подвигом его жизни. Ведь, соприкаснувшись со многими наставниками, к нынешним своим высотам народный артист пришел, по сути, «самочувкой», через годы упорного, беспримерного труда.

2. Как складывались эти годы, вся его жизнь? Из детских лет, заслоняя все другое, крупно вырисовывается фигура отца, Тимофея Ильича, а рядом с ней — деда по линии матери, Ива-

на Егоровича Юрасова. Оба коммунисты. Оба герои.

Дед Иван Егорович, обещающий солист, студент третьего курса Московской консерватории, пропагандист-большевик, был расстрелян белыми офицерами в городе Воткинске, там, где родился Чайковский. Убили его в собственном домике, посреди клеток с милыми ему канарейками.

Ота белогвардейцы подняли в Тобольске на штыки и обросили в яму. Он чудом выжил. Создал колхозы. А когда началась Великая Отечественная, оставив жену и пятерых детей, добился назначения на фронт и погиб политруком, защищая Ленинград.

Они, отец и дед (деда, разумеется, Борису не суждено было увидеть), стояли все время как бы рядом, совсем ведь своя, и... пугали подрастающего мальчика тем, что он родился среди героев. Героем хотелось быть самому. И вот откуда это: в четырнадцать лет в военную пору он добирался до Соловецких островов, где базировалась школа юнг, и становится ее воспитанником. А в шестнадцать был торпедным электриком на крейсере «Киров».

И отсюда, конечно, штоколовское пристрастие к героико-трагедийной теме. Во всяком случае здесь нужно искать начало...

Но — дальше... А там — конец войны, возвращение домой, в Свердловск. «Что же делать, Боренька, как же жить?» — это первый вопрос к нему. В военкомате юному матросу предлагают поступить в спецшколу Военно-Воздушных Сил. Море знает, небо — нет: в летчики!

И в это время как напасть и внезапное горькое счастье, как одержимость и приказ души: пой, ты должен петь, пой! Он почувствовал, что от этого требовательного внутреннего призыва может задохнуться. Бежал с уроков в лес и там среди мокрых осенних деревьев освобожденно и радостно звенел его голос. Пел всюду, где и когда только мог.

Потом же, наконец, было то, что нынче «хрестоматийно» входит во все рассказы о Штоколове. Он, воспитанник спецшколы ВВС, в 1949 году участвовал в концерте на выпускном вечере, а на нем присутствовал бывший в то время командующим Уральским военным округом Маршал Советского Союза

Георгий Константинович Жуков, Борис «в ударе» спел «Дороги» Новикова и «Матросские ночи» Соловьева-Седого. И, естественно, было уже что-то не рядовое в пении одетого в форму юнши, дыхание таланта ощущалось в нем — прославленный полководец расчувствовался и попросил, чтобы после концерта начинающего певца представили ему.

— Товарищ Маршал Советского Союза, воспитанник 9-го класса спецшколы № 11 ВВС Борис Штоколов прибыл по вашему приказанию!

— Вот что, мальчик, — и ладонь маршала легла на его плечо. — Таких летчиков, каким должен стать ты, у нас много. А тебе нужно петь!

И вскоре последовал приказ об откомандировании на учение в Уральскую консерваторию.

После, спустя годы, Г. К. Жуков напишет признанному певцу Борису Тимофеевичу Штоколову:

«Дорогой Борис! Очень рад, что Вы стали для советского народа первой звездой.

Маршал Советского Союза
Г. Жуков
27. 4.1973 г. Москва».

3. Он занимался в консерватории, и надо было зарабатывать на жизнь. Пришлось вспомнить, чему учили на флоте, — нанялся электриком в драмтеатр, потом осветителем в оперный... Там заметили — стали «в массовки» на сцену приглашать, подбадривали: «Будь на подхвате — поддержи, голосок у тебя ничего...»

А у него был уже голос, голосина — капризный и еще более требовательный, чем раньше. И когда на занятиях в консерватории пытались голос «обработать», Борис чувствовал: это не совсем то, что нужно... Пытался объяснить, но не умел. Старался дышать по-своему, как, казалось, лучше будет голосу. Вместо пятерок по вокалу густой чередой пошли тройки. А в оперном театре однажды заболел солист, спектакль «горел», и режиссер в отчаянии поймал за пиджак осветителя Штоколова: «Боренька, ты, может, Доктора споешь?» «А что — спой!» И спел в «Травнате».

С этой поры — с пятидесяти первого года — уже выходил на сцену как солист. Было замечено, что его бас исключителен по красоте тембра, по выразительности своей, и мало ему равных по щедрому многоцветью вокальных красок... Так отмечалось в рецензиях на оперные представления, в которых был занят молодой Штоколов.

А в консерватории махнули рукой: «Пой, как хочешь, дыши, как хочешь...»

Но сам переживал: «рву» голос, не он подчинен мне, а я ему.

Он, сегодняшний, скажет мне:

— Еще, считаю, повезло! Голос в процессе неправильного обучения погибает. А меня судьба не свела тогда ни с хорошим певцом, ни с опытным педагогом. И очень жалею! Ведь долгу шел, как через темный лес, пока в конце концов светом не озарило...

О колоссальном упорстве Штоколова в работе над своим голосом я впервые услышал от выдающегося советского хирурга, лауреата Ленинской премии академика Федора Григорьевича Углова. Он ссылался на Штоколова как на образцовый пример, когда «воля и труд человека дивные дивы творят».

Академик закончил книгу о режиссуре — записки хирурга, и в ней есть строки о Штоколове.

Углов пишет, что певец перечитал огромное количество книг по технике пения, познакомился со всеми известными методами обучения и тренировки.

4. Я приехал в Ленинград, чтобы послушать и посмотреть Штоколова в роли Бориса Годунова. Он загода до этого был объявлен в афишах, однако выяснилось: «Борис Годунов» состоится, но без Штоколова. Тот поет в Англии...

По сей день жалею об этом, потому что, по мнению многих, Борис Годунов в исполнении Штоколова

потрясает. Трагическая личность, раздираемая душевным разладом, угрызениями совести, приходит в зал через столетия как живая... Впрочем, разве не таковы ли — по взрывности чувств, их воздействию на слушателя — штоколовский Досифей из «Хованщины»? В его обреченности нет поражения, и если он готов на самоожожение, то это вызов всем и победа над собой. А от Ивана Сусанина Штоколов как художник естественно переходит к Андрею Соколову из «Судьбы человека», и обе эти трудные в вокальном отношении партии несут на себе печать великого человеческого страдания, которое выкристаллизовывает высокую нравственную суть подлинных русских характеров, способных выстоять там, где это, казалось бы, немислимо. И у Штоколова в его игре и голосе — страсть, правда, мысль, мягущееся чувство, и, правильнее будет сказать, что нет ее, игры, — лишь воплощение, переживание, сопереживание...

Таков Штоколов на сцене, достигший главного, что включает в себе отечественная школа пения.

Партия Мельника — лубимейшая у него; он считает, что «Русалку» Даргомыжского «...мир еще не знает так, как она того заслуживает». Он хочет спеть арию Кончака и князя Игоря, а особенно Филиппа из «Дона Карлоса». Был в Испании — не один час провел во дворце Филиппа, стараясь понять, как тот жил, что окружало его, каково одному, грозному и пугливому, властителю за неприступностью стен...

А из Англии Штоколов вернулся усталым, неохотно говорил о «сырости, копоти, ржавчине», что окружало его там, и ласкал взглядом белоствольные березы, посреди которых мы шли. Он прикасался к ним ладонями, словно хотел взять от них побольше тепла.

— Мне сорок три, — раздумчиво рассказывал он, — и только сейчас, именно в этот год, я вздохнул облегченно: меня не мучает мой голос, он уже «ручной», и там, в Англии, в манчестерском зале, где на концерте было больше двух тысяч человек, я проверил это. Со сборным оркестром пел арию Гремину, и в конце, «под занавес», я как бы «вонзил» свой голос в зал, дал ему высшую звучность, силу, нужную ударность... Так, как хотел! Это, возможно, не объяснишь, но в тот момент я видел, как мой голос «вошел» в ряды кресел, приподнял их! Зал ответил бурей...

А потом забаррикадировался в автобусе, чтоб поклонники и поклонницы по ничтоже не растащили меня!

Я подмечал часто скрытую нежность, что живет в его душе, при внешней грубоватости и даже подчас кажушейся «нелюдимости» характера.

Вот идем широким лугом. — Я сюда прихожу, когда здесь кони пасутся. Сядешь под кустиком, смотришь — бродят кони! Сынка, Тимошу, возьми: тоже смотри, горюю ему...

У морского залива. — Ты подмечаешь, какая непроглядываемая даль? Я вот это люблю — чтоб без конца, без края! Ведь как у нас, певцов? Тот, кто не умеет петь без микрофона, ему усилитель нужен — он как бы комнатный, ему четыре стены требуются. А мог бы, подумай, Шалалин петь с микрофоном?!

В воскресный день вместе с ним работаем на строительстве дома — ошкуриваем топорами гульки сосновые бревна. У него спина борца, крепкие, привычные к труду руки. Он в этом мире «не прохожий», не баловень судьбы, а даже тут творец; и, верится, поставь его, как в юности, на штурмовую, высказывающую из-под ног корабельную палубу — будет стоять на ней надежно и просто, как на земле. Кстати, старший его сын по стопам отца — в маторах военного флота.

Жарко, хочется пить. — Погоди, я тебе родниковой достану! — говорит он и идет с ведром к колодезю.

Я пью студеную воду — такую, аж зубы ломит. И улавливаю прямо-таки детскую — беззащитную и откровенную — зависть в глазах Штоколова.

— Вкусно?

— Еще как!

И та же грустная зависть в его словах:

— А мне нельзя. И всю жизнь так...

Все же он терпеливо досмотрел, как я опорожнил ковши, затем другой...

А после обеда он должен был ехать на Адмиралтейский завод — выступать там прямо в цехе. Это шефский концерт, и по тому, как он тщательно надевал фрак, спрашивал свою Надежду Петровну, все ли на нем так, как надлежит быть, по тому еще, какая приподнятость ощущалась в нем в ожидании встречи с рабочими знаменитого «питерского» завода, угадывалось, что такое уважение для народного артиста столь же волнующе и ответственно, как выход на сцену оперного театра.

Фото В. Сидорина.